

Асия

Виру Ионов

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ДУШ

Асия

Интерференция душ

«Издательские решения»

Асия

Интерференция душ / Асия — «Издательские решения»,

Это книга о любви как о силе, что перетекает из одного сердца в другое — как топливо, как свет, как последняя надежда перед тьмой. О науке. О будущем. Словом, обо всем том, о чем можно мечтать.

© Асия

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Выбор	6
Глава 2. Точка отрыва	8
Глава 3. Эхо друг друга	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Интерференция душ

Асия
Виру Ионов

© Асия, 2026

© Виру Ионов, 2026

ISBN 978-5-0069-7778-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Выбор

Кай стоял у панорамного окна учебного центра, наблюдая за потоком абитуриентов внизу. Они смеялись, сбивались в стайки, флиртовали. Яркие, шумные, живые.

«Золотые рыбки в аквариуме», — подумал он без высокомерия, скорее с тоской. Красивые, блестящие, но с памятью на три секунды. Никто из них не смог бы удержать в голове навигационный вектор в эргосфере.

Он отвернулся от окна. В коридоре корпуса «Синхронизация» было тихо. Здесь не смеялись. Здесь воздух был наэлектризован страхом отчисления. Из десяти тысяч кандидатов нейронавигаторами становились единицы. Те, кто способен выдержать чужое присутствие в своей голове. И если находилась пара.

— Курсант 734? — Дверь аудитории 4В бесшумно отъехала в сторону.

Преподаватель даже не поднял глаз от планшета, сверяя биометрию.

— Входите. Изолятор номер девять.

Комната была белой до звона в ушах. Ни окон, ни теней. Абсолютная сенсорная депривация. В центре — ложемент с фиксаторами и свисающий с потолка «венк» нейродатчиков.

— Садитесь, — голос инструктора звучал прямо в ухе через имплант, хотя сам он остался за стеклом. — Не волнуйтесь. Волнение создает шум. Нам нужен чистый сигнал.

Кай лег. Датчики с холодным чмоканьем присосались к вискам, затылку и основанию шеи. Мир исчез, сменившись темнотой интерфейса. Инструктор подал почти невесомые VR очки. Одев их Кай увидел — перед глазами вспыхнула проекция: тысячи тусклых серых точек. Каждая точка — чей-то разум в такой же комнате, где-то в сети Корпорации.

— Протокол «Резонанс» запущен, — произнес инструктор. — Вы знаете правила. Я даю начало фразы или образа. Вы заканчиваете. Не думайте. Не пытайтесь быть оригинальным. Система ищет не смысл, а паттерн. Мы ищем того, кто сходит с ума в том же ритме, что и вы.

Кай выдохнул, позволяя сознанию расфокусироваться.

— Начали.

В темноте загорелись огненные буквы: «Темнота — это...»

— ...отсутствие воображения, — мысленно ответил Кай.

Сотни точек на периферии видимости погасли.

«Страх пахнет как...»

— ...озон перед грозой.

Еще одна волна. Осталось около тысячи кандидатов. Тест набирал обороты. Вопросы становились странными, абсурдными, личными. Это была вивисекция душ. Система искала идентичные спайки в нейронных цепях.

«Если время остановится...»

— ...я наконец выплюсь.

«Любовь — это...»

— ...гравитационная ловушка.

На третьем часу Кай перестал чувствовать тело. Он знал, что для кого-то был такой же точкой в пустоте. Кандидатов осталось девятнадцать. Это был невероятно высокий результат. Обычно, к этому этапу оставался ноль.

И тут на экране загорелась фраза, выбивающаяся из общего ритма. Что-то детское, нелепое, сюрреалистичное. Тест на абстрактное мышление.

«Идёт по крыше...»

Кай устало усмехнулся. В голову пришел образ из старой детской книжки, которую он любил в пять лет, но которую никто больше не помнил. Абсурд. Он открыл рот, чтобы произнести «динозавр».

Но не успел.

Слово прозвучало у него в голове до того, как он послал импульс на голосовые связки. Но это был не его голос. Это был женский голос — с тёплой, чуть насмешливой хрипотцой, звучащий так, словно он всегда жил в его правом полушарии.

«...грустный динозавр...» — произнесла она.

Кай дернулся в кресле.

— ...грустный динозавр, — повторил он вслух, ошарашенно.

Точка на экране вспыхнула сверхновой, вспышкой затмив все остальные. Показатели синхронизации взлетели в красную зону. И в ту же секунду тот же голос в его голове, не дожидаясь вопроса, продолжил фразу, дорисовывая образ, который Кай только начал видеть:

«...и спотыкается о созвездия».

Датчики на голове протестующе запищали. На сетчатке всплыло системное сообщение:

Совместимость: 98.7% (Возможно ошибка калибровки). Статус: Совпадение

Тишина в наушнике длилась секунд десять. Инструктор за стеклом затаил дыхание.

— Курсант... — голос преподавателя дрогнул. — Уникальный результат. Я поражен. Вы не просто совпали. Вы создали общий контекст за 0.4 секунды.

Кай не слушал. Он все еще чувствовал её. Это было похоже на то, как если бы всю жизнь он слышал мир в монозвучании, и вдруг включили стерео. В голове снова прозвучал её смешок — легкий, как пузырьки в шампанском:

«Ну привет, динозавр. Я Герди. Не свались с крыши, пока я иду к тебе».

Кай улыбнулся в темноту изолированной комнаты. Впервые за годы одиночества он был не один.

Глава 2. Точка отрыва

Вязкая темнота симулятора давила на глаза. Только холодное свечение приборных панелей вырывало из мрака силуэты двух ложементов. Где-то под полом едва слышно гудели трансформаторы.

Кай видел приближение смерти. На внутренней стороне сферического экрана шлема, вживленного прямо в забрало, росла серая масса астероида. Красный маркер столкновения мигнул, замер, а потом взорвался багровой вспышкой прямо в зрачки.

— Твой труп снова размазало по астероиду, — бесстрастно сообщил голос инструктора в наушниках. Динамики слегка фонили, пробиваясь сквозь шумоподавление. — Поздравляю, курсанты. Семнадцатая смерть за утро.

Кай сдернул шлем, и тихий шипящий выдох пневматики ознаменовал конец погружения. Виртуальная реальность погасла, унося с собой мерцание звезд и красную вспышку столкновения, но перед глазами всё ещё стояло эхо катастрофы. Внезапно включился мягкий гул вентиляционной системы, и холодный, ровный свет флуоресцентных ламп залил тесную кабину симулятора, подчеркивая усталость на лицах курсантов. С ненавистью Кай ударил кулаком по подлокотнику ложемента.

— Это невозможно! — выплюнул он, чувствуя, как пересохло в горле. — Я реагирую моментально. Вижу её команду, дёргаю штурвал... а картинка просто живет своей жизнью! Как будто играю в древнюю игру с убитым джойстиком: жму на кнопку, а отклик приходит, когда мы уже трупы!

В соседнем кресле Герди медленно стаскивала сенсорную сетку с висков. Эластичные ленты с электродами оставили на коже красные полосы. Она выглядела измотанной: под глазами залегли синеватые тени, а растрепанные волосы цвета бархатной сингулярности¹ прилипли к вспотевшему виску.

— Дело не в тебе, Кай. И не во мне, — ее голос звучал глухо, без обычной энергии.

— Тогда в чём?

— В Эйнштейне, — она кивнула на монитор телеметрии, висевший на подвижной консоли слева. Экран мигал, перезагружаясь после цикла.

Снаружи, за толстым стеклом симуляционного бокса, инструктор — сухой мужчина в сером комбинезоне с нашивками — уже возился у главного пульта. В основном зале зажегся свет. Люминесцентные панели на потолке вспыхивали не сразу, а секциями, с сухим треском стартеров. Резкий, больнично-белый свет пробился сквозь смотровое окно в тесную кабину, безжалостно выхватывая из полумрака усталые лица курсантов и отражаясь бликами в пластике приборов.

— Смотри, — Герди ткнула пальцем в монитор. — Вот момент, когда мои радары зафиксировали угрозу. А вот момент, когда интерфейс базы доставил сигнал в твой шлем. Задержка шестьсот миллисекунд.

— Шестьсот? — Кай уставился на цифры, не веря своим глазам. — Это же вечность!

Дверь симуляторной бесшумно отъехала в сторону с легким шипением, и в проеме показался инструктор.

— Это симуляция гравитационного рассинхрона², — вмешался инструктор, подходя ближе. Его ботинки с мягкой подошвой почти бесшумно ступали по рифленому металлическому полу. — В реальном вылете к эргосфере ты будешь физически находиться в кабине, а оператор — здесь, на безопасной базе. Из-за чудовищной массы аномалии время для тебя замедлится.

Кай откинулся в кресле. Подголовник был теплым и чуть влажным от пота. Он уставился в потолок, на слепящие лампы, и зажмурился. Сквозь веки всё равно просачивался оранжевый свет.

— Пока я проживаю одну секунду маневра, у нее проходят три...

— Именно, — отрезал инструктор, уже поворачиваясь к выходу. — У оператора есть фора во времени, чтобы просчитать траекторию. Но стандартный радиосигнал искажается гравитацией и ползет к тебе эти самые шестьсот миллисекунд. Привыкайте. Герди должна просчитывать угрозу и передавать команду до того, как ты сам ее увидишь, а ты должен верить ей вслепую. Перерыв 15 минут. Сосредоточьтесь.

Где-то в недрах станции проснулся мощный сервомотор вентиляции. Гул нарастал, как взлетающий самолет — от низкого баса к пронзительному свисту воздуха в диффузорах. Система прогоняла затхлый запах озона, заменяя его стерильной свежестью.

Кай открыл гермодверь симулятора и вышел. Та закрылась за ним с еле слышным шипением, отсекая гул трансформаторов. В коридоре было прохладнее.

Он едва не столкнулся с Герди. Она стояла, прислонившись спиной к стене, покрытой серыми звукоизолирующими панелями. В руках она мяла пустую бутылку из-под воды.

— Поговорим? — спросила она тихо. Голос слегка дрожал, но глаза смотрели внимательно, даже пристально.

— Да, — Кай кивнул, хотя внутри всё ещё кипело. Злость медленно остывала, сменяясь тупой усталостью.

Они не сговариваясь направились к автомату с водой. Тот стоял в нише, подсвеченный синим неонам, и тихо урчал. Кай сунул палец в считыватель — браслет на запястье пискнул, и две бутылки выкатились в приемный лоток. Взял обе. Прохладный пластик приятно охлаждал разгоряченные ладони.

Они сели на узкую скамью у стены. Сиденье было холодным и жестким. Кай молчал, глядя, как лопаются пузырьки в воде — тысячи крошечных взрывов у самого горлышка. Он сделал глоток. Холодная вода приятно успокоила сухое горло, помогая выдохнуть и сконцентрироваться.

— Какой ты? — вдруг спросила Герди. Голос звучал задумчиво, почти мечтательно.

— Что значит «какой»? — он поднял взгляд от бутылки.

— Когда я устанавливаю контакт... — она помедлила, подбирая слова. — Я чувствую, будто стучусь в чей-то дом. А твой дом — он какой? За высокими стенами? Что там внутри?

Кай помолчал. Смотрел в одну точку, на царяпину на противоположной стене. Потом медленно ответил, и слова давались ему тяжело, будто он ворочал камни:

— Узкие улицы. Много книг и всякого барахла. И храм на площади. С фонтаном посередине. Вода в фонтане... не настоящая, конечно, голограмма. Но выглядит убедительно.

Герди чуть улыбнулась — впервые за утро. Улыбка вышла усталой, но теплой, и на миг стерла с ее лица синеву под глазами.

— Построй мне там гостиницу, — сказала она тихо.

Кай посмотрел на неё. В груди что-то шевельнулось — не раздражение, не злость. Что-то тёплое, похожее на те пузырьки, что только что лопались в воде. Он почувствовал запах ее волос — какой-то простой, травяной шампунь, смешанный с запахом пота и пластика сенсорной сетки.

Его выдуманный город всегда был абсолютно, стерильно беззвучным — идеальное убежище от вечной суматохи и пустых смыслов. Кай живо представил себе это место прямо сейчас: пустую мощеную площадь и голографический фонтан, чьи струи застыли в воздухе, словно поставленная на паузу запись. В его мире ничего не двигалось само по себе.

— Ладно, — ответил он. — С видом на фонтан.

Он мысленно потянулся к этой картинке в своей голове и снял её с паузы. Застывшая вода дрогнула, ожила и с тихим, успокаивающим журчанием полилась вниз по камням.

Они посидели еще минуту в тишине. Где-то в конце коридора щелкнуло реле — автоматика переключала режимы освещения. Лампы потускнели, имитируя наступление «ночи» на станции, где время суток было понятием условным.

***

Они вернулись в симулятор молча, но уже не как два отдельных курсанта. Что-то между ними сдвинулось — едва заметно, но необратимо.

В симуляторе снова была темнота. Инструктор уже сидел за своим пультом, подсвеченный синевой мониторов. Он даже не обернулся на их шаги, только бросил через плечо:

— По местам. Следующий сценарий: «Игольное ушко».

Кай и Герди опустили в ложементы. Ремни безопасности щелкнули, фиксируя тела. Кай надел шлем — мягкие амортизаторы сжались, плотно облекая голову, на виски легли прохладные контакты сенсоров.

Дверь гермозатвора закрылась за ними, отсекая звуки и свет.

Снова темнота перед глазами. Снова тишина в наушниках — только собственное дыхание. А потом перед внутренней поверхностью шлема вспыхнули звезды. Виртуальный космос был холоден и прекрасен, усеян каменным крошевом, которое медленно вращалось в безмолвии.

Дрон нёсся сквозь поле обломков. На экране тактической обстановки светились две точки — они неслись к «Игольному ушку», узкому проходу между двумя вращающимися астероидами. На схеме это выглядело как сужающийся желтый коридор. Смертельная ловушка.

Симулятор безжалостно отсчитывал разницу во времени. Герди смотрела на графики и знала: в субъективном, «замедленном» восприятии Кая проход всё ещё выглядит безопасным. Он не видит угрозы.

Ей нужно было крикнуть «Тормози!».

Она нажала на ментальную кнопку экстренного торможения — просто представила себе команду, сконцентрировалась на ней. В висках кольнуло — интерфейс принял команду, начал её кодировать, отправлять на передатчик.

И в этот момент она поняла, что не успеет.

«Слишком долго,» — паническая мысль пронзила её, ледяным потом выступила на спине. — «Он не успеет получить сигнал. Мы разобьёмся.»

Отчаяние Герди достигло пика. Оно затопило всё существо, вытеснило страх, оставив только одну, чистую, как лазер, необходимость.

Ей не нужен был интерфейс. Ей не нужны были радиоволны. Ей нужно было, чтобы Кай услышал её прямо сейчас.

Она не посылала команду. Она просто мысленно заорала, обращаясь не к приборам, а к тому странному, тёплому ощущению его присутствия, которое она нащупала на скамейке в коридоре. К тем самым крошечным, спящим точкам в глубине мозга, которые вдруг, неожиданно, резонировали с его частотой.

«ТОРМОЗИ, ИДИОТ!»

Это не было словами. Это был чистый импульс паники и приказа, сжатый до одного мгновения.

Кай вдавил реверс. Движение пальца было быстрее мысли. Штурвал дрогнул в руке.

Дрон взвыл маневровыми двигателями — беззвучно в вакууме, но на дисплее тактической обстановки вспыхнули форсунки, и корабль замер за секунду до того, как два каменных жернова сомкнулись перед его носом.

Тишина. На экране пыль от столкновения астероидов медленно оседала в вакууме, кружась в причудливых узорах. Дрон был цел и невредим.

— Отличная реакция, пилот, — голос инструктора в наушниках звучал удивлённо. Кай расслышал даже, как тот кашлянул, поперхнувшись. — Но... подождите.

В кабине симулятора загорелся свет. Снова сухо затрещали стартеры, люминесцентные лампы вырвали их из темноты.

— Что? — Кай тяжело дышал, стирая пот со лба. Ладонь стала мокрой. Пальцы дрожали.

— Посмотрите на телеметрию.

Инструктор вывел график на главный экран. Две линии, две временные метки.

— Вот момент нажатия тормоза Каем. — Он ткнул пальцем в экран. — А вот... приход команды от Герди.

Кай прищурился, вглядываясь в цифры.

— Команда пришла через 0.4 секунды после того, как я нажал на тормоз.

— Именно, — инструктор нахмурился, брови сошлись на переносице. — Ты затормозил до того, как получил приказ через интерфейс. Ты угадал?

— Нет, — Кай медленно повернул голову к Герди. Он смотрел на неё с суеверным ужасом и восторгом, смешанными в равных пропорциях. — Я услышал её.

— Невозможно. Радиоканал пишет всё. — Инструктор забарабанил по клавиатуре, вызывая логи. — В эфире была тишина. Полная тишина.

— Не в эфире, — тихо сказала Герди. Она коснулась своего виска, где еще горели красные полосы от сенсоров. — Здесь.

Кай кивнул. Он всё ещё слышал эхо её крика в своей голове. Это был не звук в наушниках, не синтезированный голос нейросети. Это был чистый, мгновенный импульс, оставивший после себя ощущение тепла. Без задержки. Без кодировки. Быстрее скорости света.

— Квантовая запутанность, — пробормотал он, вспоминая лекции по нейрофизике, которые все прогуливали. Голос звучал отстраненно, будто он говорил сам с собой. — Зеркальные нейроны. Если их запутать... расстояние не имеет значения.

— У нас получилось? — Герди слабо улыбнулась. В глазах стояли слезы — то ли от перенапряжения, то ли от облегчения.

— Ты назвала меня идиотом мгновенно, — усмехнулся Кай. — Без пинга. Как будто я уже часть тебя.

Он почувствовал, как в груди разливается странное тепло. Страх отпустил, осталось только удивление и какое-то новое, незнакомое чувство близости.

— Ну, — она пожалала плечами, и этот жест показался ему невероятно родным. — Зато мы живы.

Кай откинулся на спинку. Подголовник снова был теплым. Он посмотрел на потолок, на яркие лампы, и зажмурился, чувствуя, как сквозь веки просачивается оранжевый свет. Гул вентиляции успокаивал.

— К чёрту приборы, Герди. В следующий раз просто ори мне прямо в голову. Это работает лучше.

¹ *Asia-Black* — цвет «бархатной сингулярности». Фирменный оттенок из брендбука соавтора книги.

² *Релятивистский рассинхрон* — эффект замедления времени вблизи объектов с экстремальной гравитацией (эргосфер). Оператор на удаленной базе находится в «быстром» времени и обладает запасом секунд для анализа ситуации. Однако передача данных на корабль обычным радиосигналом критически запаздывает из-за искажения пространства, требуя от экипажей работы на опережение.

Глава 3. Эхо друг друга

Помещение, куда привели Кая, разительно отличалось от шумного, залитого резким светом симулятора. Здесь царил полумрак, нарушаемый лишь тусклым оранжевым свечением аварийных ламп под потолком да редкими огоньками индикаторов на стойках с оборудованием. Воздух был сухим и прохладным — система вентиляции здесь работала на минимальных оборотах, едва слышно шелестя где-то в глубине стен. И пыль еще не успела осесть после недавней уборки: комнату открыли специально для редкого гостя, словно ящик Пандоры.

Это была комната индивидуальной депривации и нейропогружения. Небольшая, метров двенадцать, с единственным креслом в центре. Стены здесь покрывали не звукоизолирующие панели, как в коридоре, а мягкие матовые экраны, поглощающие любые звуки. Пол был затянут черным покрытием, чуть пружинящим под ногами.

В центре этого почти стерильного пространства стояло кресло. Оно напоминало зубо-врачебное, но было куда сложнее: массивное основание скрывало сервоприводы, а высокую спинку и подголовник усеивали десятки разъемов и креплений. Слева от кресла, на выдвижной консоли, тускло светился монохромный экран слоукома¹.

Кай опустил в кресло. Синтетическая обивка была прохладной даже сквозь ткань комбинезона, а ручки на ощупь казались слегка влажными — еще один след поспешной уборки. Он откинулся назад, чувствуя, как под весом тела мягко прогнулась поверхность. Рука сама нашла тумблер на подлокотнике — холодный металл, чуть шероховатый, словно привет из прошлого.

Щелчок.

Тишину комнаты нарушил тонкий, едва уловимый писк — ожил слоуком. На крошечном монохромном дисплее, точно как на осциллографе, тревожно задрожала грубая, пиксельная синусоида. Экран был старым, с выгоревшими пикселями по краям, и в его тусклом зеленоватом свечении лицо Кая казалось призрачным. Острые пики безжизненно бились в жесткие рамки экрана, визуализируя цифровое несовершенство и искусственные помехи, которые этот прибор создавал специально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.